

етс, как, впрочем, и различие полов. Революция, одним словом.

Симптоматично, что на фоне обезрежиссерившейся питейской театральной жизни (профессий по большому счету занимают, если судить по результатам, Додин и Спиев) актерские силы пока не иссякли. Это, конечно, не делает погоды, но избавляет от чувства неловкости — домашние радости! — но все же как-то оправдывает наличие театров в культурном слое. Такая ситуация не может продлиться долго, актерская воля может быть пострашней режиссерского самолюбия и тягостит «берегов». Но сейчас соотношение актерского и режиссерского начал видится мне бдм бабочек с танками.

Только что некая фирма «Бэты» устроила бенефис Ирины Соколовой. Эта артистка — краса и гордость питейской сцены, наша бабонна, наша Джульетта Мазина. За тридцать лет служения детскому театру она не утратила ни трепетности отношения к делу, ни молодости, ни звонкого голоса, ни хрупкости, ни чувств юмора. Хотя часто бывало ей не до смеха — и при Корогодском, и при нынешнем худруке Тюзе Андрее Андрее. Перелом, что поразило — бенефис состоялся не на сцене Тюзы. Приютил бенефициантку и ее многочисленных почитателей Театр имени В. Ф. Комиссаржевской (вот почему вспомнился «Бой бабочек»). Второе потрясение — сама Ирина Соколова. Она танцевала знаменитую партию Комарника в балете «Муха-Цокотуха», пела в капелла женские плачи Валерия Гаврилина, играла мудрую мамашу Кураж, одинокую интеллигентную дамочку в потертой

кам не подозревавшийся трагический талант. То, что терзалось на большой сцене, выявилось в камерном зальчике. А вернее — в атмосфере внимания, участия, поддержки.

Можно посоветовать, что настоящая жизнь разбегается в Питере «по углам». Но что же изобретать? Идет децентрализация. Еще лет десять назад и Малый драматический казался мажорным углом. И если из театро-фабрик творческие силы перетекают в театры-приюты — пусть! Кто сказал, что для театра нужно что-то, кроме крыши над головой, одного коврика и двух актеров?

Елена АЛЕКСЕЕВА.

Приюты комедиантов

шубке («Два пуделя») и бесподобную артистку Кошки, которая гуляет сама по себе. Артистка вспоминала и своих амбалов, злых и шодливых девачек-малышенок, но все-таки выплыва травесин — не самая сильная ее сторона. Она жеманственна. А этой гранью ее деревняны нынешний Тюз не прельстился.

Еще одна неожиданность — атмосфера бенефиса. Это был тот Тюз, которого уже нет: зрители, которые уже не посещают чужое, холодное помещение на Семеновском плацу, актеры, которые стали диссидентами, ушли из родного театра или «на вылет». На сцену выходили: Антонина Шурякова, Александр Хоминский, Валерий Дьяченко, Игорь Шибанов, Наталья Боровакова, Александр Блок и даже З. Я. (Корогодский). Это был праздник в изгнании, а слезы на глазах — не только от радости.

Бой на территории Тюзы выиграл Андрей Андреев. Это и искусство побеждают бабочки, а в жизни — та же самая бронетехника. Бой за большие сцены выигрывают дипломмированные режиссеры, не всегда таковыми являющиеся. Их главная задача — чтобы понимание было спектаклем, актеров и всей этой прочей чепухи. Оттого так много в Питере Аркашек Счастливецких, забывшихся между Ленкомом и Пушкинским театром, между «Открытым» и Комедией. Разных возрастов, разных дарований, разных темпераментов (впрочем, как правило, очень высокого градусе) и характеров. Это и покорившая почти все сцены города, и поругавшаяся почти со всеми режиссерами Лейла Киракосян. Это и юная, прелестная поэтесса Тая Михалевич. Это и Светлана Смирнова, Алексей Арсфьян, Владимир Особин, Леонид Кудряшов, Александр Лыков — называю только самых известных. Их десятки, бездомных, бесприютных, со сложными судьбами, питейских театральных бомжей. И только единицы находят себя, находят опору.

В прошлом году из БДТ ушла Наталья Данилова. Одна из первых питейских театральных красавиц. Удаляющая киноактриса (вспомним хотя бы швейцарские «Маленькие трагедии» или «Место встречи изменить нельзя»). В БДТ ей не везло: встретила на вылете никуда и только пару летодв имела на «взрослых» роли — в «Дачниках» и в «Дяде Ване». Чем дальше, тем меньше интересовала она режиссеров. Поняла, что перспективы никакой, что годы уходят... Приютил Наташу «Приют комедиантов». Юрий Томошевский нашел для нее пьесу — «Медвеж» Людмилы Разумовской, окружил сильными актерами (З. Шарко, М. Девяткин) — и открыл ни-

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

С. Я. Я.
Федерия

В ПИТЕРСКОМ театре — затихнувшая безразмерность. Еще вчера казалось, что вот-вот закончится, то есть вот-вот что-то начнется. На начинается!

Но театральный союз держит хвост маршальной и проводит один за другим всевозможные конкурсы: на лучший спектакль минувшего сезона, на лучшую актерскую работу, на лучшую студийную, детскую и проч. В середине ноября собрался на свою секцию критики и попытаться выбрать из пяти десятков прошлогодних премьер лучшие. Сезон, замкну, был провальным — одна за другой рушились надежды и иллюзии. И, кроме «Бесов», нам в историю отечественного театра вложить нечего. После тайного голосования равное количество голосов набрали «Бесы», «Москва. Моление о чаше» (театра «Русские ночи», состоящего из актеров Валентина Белого, Александра Маркова и режиссера Григория Козлова) и «Чужие во фраке» (театр «Комик-театр», режиссер Вадим Финосов).

Труднее же забавная, сколь и символическая. Восемнадцатая глыба додлинских «Бесов» рядом с очаровательным зетрадным пустячком «Чужие во фраке» — это, может быть, и не слон рядом с мухой, но что-то вроде оперы Шанберга рядом с песенкой Вертинского. Сумятица, в которую ввергнута питейская сцена, прощает диссонансы. Здесь борьба с идолами и деспотами достигла такого накала, что авторитеты ни в грош не ставятся, разница между актерами и режиссерами едва улавлива-

48(2) = 521.31